

УДК 329.3+025.171

## РУКОПИСЬ МАРКА ПОПОВСКОГО О ТОЛСТОВЦАХ

**Колупаев В.Е.**

Публикация архивного документа – рукописи Марка Поповского, известного писателя, журналиста, правозащитника, диссидента, вице-президента организации «Писатели в изгнании» американского отделения ПЕН-клуба. Рукопись посвящена судьбе русского религиозно-философского движения толстовцев в советский период, репрессии и окончательное его уничтожение.

**Ключевые слова:** Толстовцы, Л.Н. Толстой, М. Поповский, репрессии, диссидентство, Самиздат.

## MANUSCRIPT OF MARC POPOVSKI ABOUT TOLSTOYAN MOVEMENT

**Kolupaev V.E.**

Publication of archival documents, i.e. manuscripts of Marc Popovski, a famous writer, journalist, human rights activist, dissident, and vice president of the organization “Writers in Exile” American branch of PEN. The manuscript is dedicated to the fate of Russian religious philosophical sect, Tolstoyan movement, in the Soviet period, its repressions and its eventual destruction.

**Keywords:** Tolstoyan movement, Leo Tolstoy, Marc Popovski, repression, dissidence, Samizdat.

В Архивном фонде итальянского центра «Христианская Россия» (Russia Cristiana) автору настоящего научного сообщения удалось обнаружить, ранее не публиковавшуюся рукопись журналиста, правозащитника, диссидента Марка Александровича Поповского (1922-2004) «Куда девались толстовцы». Авторизированный машинописный оригинал этой статьи с авторской правкой хранится в составе коллекции «Самиздат» («Samisdat russo») [3].

Поповский родился в еврейской семье в Одессе, которая, по его словам, «кинулась в революцию». Отец – известный писатель Александр Данилович Поповский (1897-1982), автор биографических книг об учёных; был следователем одесского трибунала в 1920-х гг. Мать – научный работник, кандидат наук, член партии с 1937 г. Марк получил образование в Военно-медицинской академии, был на фронте военным врачом, в 1952 г. Поповский окончил филологический факультет МГУ, жил в Москве. В СССР вышли 14 книг Марка Поповского, всего же на родине и на Западе, было опубликовано около 30 его научно-популярных и биографических произведений, посвященных разным персоналиям.

В 1970-е гг. Марк Александрович становится диссидентом, начинает собирать библиотеку Самиздата, участвует в правозащитном движении. Поповский вспоминал: «В те же годы в качестве корреспондента "Комсомольской правды", "Известий" и других изданий побывал на Дальнем Востоке, в новосибирском Академгородке, в Эстонии, Одессе, Ленинграде, Крыму. Кое-что написал для прессы, но, в основном, собирал материалы для своих книг и впечатления для своего понимания мира...

Я познакомился и некоторое время был близок с Андреем Дмитриевичем Сахаровым (1976 - 1977). Год спустя он написал предисловие к моей книге об академике Николае Вавилове.

Чины КГБ произвели обыск в моей московской квартире и унесли те рукописи, что я годами писал "в стол". Вслед за этим было сфабриковано на меня "уголовное" дело по обвинению в краже дневников акад. Вавилова...»

В это время писатель сближается с протоиереем Александром Менем (1935-1990), под влиянием которого принимает православное Крещение. Совместно с отцом Менем он готовит к печати рукопись Войно-Ясенецкого «Дух. Душа. Тело». В доме о. Александра Марк Александрович знакомится с Надеждой Яковлевной Мандельштам (1899-1980).

Поповский пишет: «Но главный путь, который удалось проделать за эти годы, был путь к Богу. Пример покойного архиепископа Луки (Войно-

Ясенецкого) и о. Александра Меня дал мне силы преодолеть всезнайство и самоуверенность, впитанные не столько в пионерско-комсомольской юности, сколько в писательско-интеллигентской зрелости». Книга Поповского «Жизнь и житие Воино-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» увидело свет в 1979 г. в издательстве YMCA-PRESS в Париже. Предисловие к ней написано отцом Менем. Оценивая свою работу над этой книгой Марк Александрович, в интервью радио «Свобода» в говорил: «Пожалуй, самое главное из того, что я сделал в своей жизни, это то, что я написал книгу "Жизнь и житие Воино-Ясенецкого архиепископа и хирурга". И в связи с этой книгой приял Господа. Я – христианин» [1].

Осенью 1977 г. Поповский как политический эмигрант с семьей выехал из СССР. Самолетом из Москвы через Вену, он прибыл в Рим, где была написана предлагаемая вниманию читателя статья, обнаруженная в нашем архиве «Куда девались толстовцы». В конце машинописного текста, стоит оригинальная подпись автора и обозначено «Москва – Рим, март 1978». Данный документ важен в плане литературоведческого анализа творчества Поповского, как этап творческого развития в процессе разработки означенной темы, завершившейся выходом в свет книги «Русские мужики рассказывают...

Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе 1918–1977», опубликованной в Лондоне в 1983 г., подзаголовок книги: «Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР по материалам вывезенного на Запад крестьянского архива». Этот «архив состоит более чем из 3000 листов писем, дневников, автобиографических и биографических рукописей, воспоминаний и судебных документов, охватывающих период с 1918 по 1977 год...

Перед нами документальное подтверждение того, что крестьяне Советского Союза не только голодали, тяжело работали, выполняли хлебо- и мясopоставки и голосовали за советскую власть в своих клубах и домах культуры, но также молились, спорили с властями, боролись за свободу, учили своих детей порядочности и серьезно размышляли о сущности того, что происходит в стране» [2, с. 5].

Поповский, перебравшись на постоянное место жительства в Нью-Йорк в августе 1981 г. засвидетельствовал: «Большая часть этой книги была написана в стенах Института Джорджа Кеннана (Kennan Institute For Advanced Russian Studies), входящего в состав Интернационального Центра имени Вудро Вильсона (The Wilson Center) в Вашингтоне, США», – читаем в предисловии [2, с. 7].

Марк Александрович сотрудничал с радиостанцией «Свобода», в одном из интервью которой он говорил: «Я не конфликтую с кем-нибудь никогда. У меня нет чувства раздражения, ненависти, злобности против кого бы то ни было лично. Но дело в том, что не все знают главный тон, что ли, всей моей жизни. Он заключается в том, что я выше всего ставлю нравственные проблемы. Я считаю, что действия советской власти не тем плохи, что созданы колхозы или военизирована вся страна, а в том, что деморализовано общество. И все мои книги и издававшиеся в Советском Союзе и те, которые я писал тайком, и те, которые удалось напечатать здесь и все мои очерки, они все – разговор на одну тему: как себя ведет человек в роковых обстоятельствах, и как следовало бы ему себя вести. Вот этот вот максимализм мой нравственный, может людям казаться проявлением моего жесткого характера. Но на самом деле, я отстаиваю свои нравственные позиции в этом мире, считая их самым важным для человека...

Я – счастливый человек. Я сменил 8 профессий в этой стране. И среди этих профессий были и заместитель главного редактора журнала, и уборщик мусора, и радиожурналист, и много других профессий. Я к этому относился довольно спокойно, потому что возвратясь домой, я садился за письменный стол и оставался тем, кем был - литератором, профессиональным литератором. Поэтому тот опыт, который я получил в Америке, он благодетелен. Я просто научился быть самим собой, не страдая от того, что в данный момент мне надо убирать мусор или сидеть в качестве швейцара в подъезде дома» [1].

Поповский публиковал свои работы в зарубежных газетах «Новое русское слово», «Панорама», сотрудничал с литературными журналами. Он

один из основателей Клуба русских писателей Нью-Йорка, вице-президент организации «Писатели в изгнании» американского отделения ПЕН-клуба.

– 1–

**Марк Поповский**

**Куда девались толстовцы?**

Летом 1976 года русский крестьянин Дмитрий Егорович Моргачев послал письмо в Генеральную Прокуратуру СССР. Восемидесятичетырехлетний Моргачев напомнил Генеральному прокурору о судебном процессе, происходившем сорок лет назад в Новосибирске. На суде этом Моргачев и девять его товарищей были осуждены за т о л с т о в с т в о, то есть за приверженность к философским и этическим взглядам писателя Льва Толстого. Все схваченные по этому делу были крестьяне. Двоих из них вскоре расстреляли, а остальные провели в тюрьмах и лагерях десять лет и более. Жертвы этой расправы не раз пытались добиться оправдания. Они объясняли властям, что Лев Толстой, чьи идеи они исповедуют, не мог быть врагом советской власти, так как умер задолго до Октябрьской революции 1917 года; они ссылались на то, что толстовство предписывает не противиться злу насилием и таким образом не может быть речи о том, что они наносили государству какой либо вред. Насилие в любых формах для толстовцев неприемлемо, в том числе насилие политическое. Крестьяне просили, чтобы их признали невиновными в тех ужасных обвинениях, которые были на них возведены на суде, но их не слушали. На их письма не отвечали. Дмитрий Моргачев был самым упорным из толстовцев. Он продолжал писать, когда другие давно уже махнули на все рукой. Свое последнее письмо он завершил словами: «Прошу меня реабилитировать перед уходом в вечность». Он действительно вскоре ушел в вечность, но незадолго до смерти, в самом начале 1977 года он и два его уцелевших товарища успели получить справку о реабилитации.

Постановление Пленума Верховного суда СССР /декабрь 1976 года/ о том, что суд над десятью толстовцами в ноябре 1936 года был незаконным и все

осужденные не совершили никаких преступлений – единственный документ, в котором советская власть признала себя виновной в преследовании и уничтожении своих граждан верных идеям Льва Толстого. Между тем, число пострадавших от этих преследований исчисляется тысячами. По примерным подсчетам толстовцев в России перед 1917 годом было до 7 000. Шестьдесят лет спустя, мне после длительных поисков, удалось обнаружить на всей территории Советского Союза менее полусотни толстовцев. Все они были глубокими стариками и почти все прошли через лагеря. Наши беседы в 1976 – 1977 годах, а также чтение сохраненного ими архива открыли страницу русской истории до селе мало кому известную.

Первое десятилетие советской власти мои собеседники именуют

– 2 –

не иначе как «золотым веком». Это была пора, когда большевики еще помнили, что при царе их преследовали так же жестоко, как и толстовцев, что им вместе приходилось бывать в ссылках и в эмиграции. В эмиграции, кстати сказать, большевики неоднократно обращались за помощью к толстовцам, а однажды в Швейцарии секретарь Льва Толстого принял на хранение и долгое время оберегал библиотеку большевиков и архив большевистского ЦК. Однако сохранились и другие свидетельства: уже начиная с 1918 года советской России начались расстрелы крестьян-толстовцев, которые, в соответствии с идеалами своего учителя, не желали брать в руки оружие и служить в Красной армии. Часть приговоренных к расстрелу удалось спасти В. Черткову другу и секретарю Л. Толстого, который использовал личное знакомство с Лениным и таким его близким сотрудником как Бонч-Бруевич и Смидович. Однако после того, как Ленин отошел от дел, положение толстовцев резко ухудшилось.

В Москве еще в 1922 году было закрыто основанное Л. Толстым издательство «Посредник», перестали выходить толстовские журналы и книги, излагавшие философские взгляды великого писателя. В 1929 году перестало существовать Московское вегетарианское общество – своеобразный центр духовной жизни последователей Льва Толстого. Вскоре большая часть членов

этого Общества, насчитывавшего более 1500 членов, оказалась в тюрьмах и лагерях. Аресты продолжались добрые два десятка лет, так что, в конце концов, толстовцы-горожане почти вывелись. Бóльшую жизненность проявили толстовцы-крестьяне. Между 1918 и 1923 годами они, в соответствии со взглядами своего идейного учителя, начали создавать по всей стране земледельческие коммуны. То были объединения, ставившие не столько хозяйственные или коммерческие цели, сколько цели духовного единения. Толстовцы вслед за Толстым уверовали в необходимость труда на земле, честной жизни без пьянства, разврата, воровства и насилия. Их коммуны были местом напряженного ручного труда / в некоторых хозяйствах крестьяне даже отказывались эксплуатировать животных и пахали на себе /, но вместе с тем и местом насыщенной духовной жизни. Тут много читали, все хозяйственные и общественные проблемы решали сообща на Совете коммуны. Религиозные доклады, лекции, дискуссии всячески поощрялись, так что в конечном счете, толстовские коммуны, можно считать своеобразным рассадником крестьянской интеллигентности. Была в организации коммун еще одна черта, резко отличающая их от позднейших колхозов: толстовцы принимали к себе всякого, кто разделял их взгляды и также свободно разрешали желающим покидать общее хозяйство.

–3–

Толстовские коммуны существовали в начале двадцатых годов в Подмосковье, на Украине, на Волге, в Брянских лесах и на Кавказе. Но наибольшую известность приобрела коммуна «Жизнь Труда», основанная в 1921 году на окраинах Москвы, а затем в пору коллективизации переселенная в Западную Сибирь. Сохранилась история этой коммуны, написанная одним из ее основателей, а также биографии ряда крестьян – членов коммуны, их письма, дневники, воспоминания. Эти и многие другие документы посвященные крестьянам-толстовцам СССР, позволили мне документально восстановить историю этих мирных, честных и трудолюбивых людей за шестьдесят лет советской власти.

В середине двадцатых годов толстовские коммуны, благодаря напряженному добросовестному труду своих членов, пришли к экономическому процветанию. Они давали стране большое количество молока, овощей, хлеба. Мяса, однако, они не сдавали и не продавали, так как были вегетарианцами и скот не забивали. Казалось бы, что власти должны были всячески поддерживать эти хозяйства с их продуктивностью и высокой дисциплиной труда. На самом же деле с конца двадцатых годов все усилия советской администрации были направлены на то, чтобы любыми способами уничтожить коммуны, превратить их в чисто хозяйственные организации колхозы. Интеллигентность толстовцев, их единство, демократизм стали помехой при создании колхозов и совхозов, которые Сталин рассматривал лишь как средство выкачивать необходимое количество дешевых продуктов питания для своей армии и индустриальных центров.

Разгром толстовских коммун совпал со столетием со дня рождения Льва Толстого. Едва отзвучали торжественные речи в честь великого писателя, как осенью 1928 года в прессе началась травля толстовцев города и деревни. Особенно коммунаров. Крестьян толстовцев объявляли кулаками, врагами коллективизации и даже активными контрреволюционерами. За короткий срок все коммуны оказались разгромленными, закрытыми и только «Жизнь и Труд», благодаря защите одного из деятелей большевистского дореволюционного подполья получила право перебраться на пустые места в Западной Сибири. Вскоре сюда в район города Ново-Кузнецка стали собираться толстовцы со всей страны. На голое место были построены дома, школа, скотные дворы, теплицы, были распаханы никогда прежде не возделывавшиеся поля. Дружная, полная живого энтузиазма и интеллектуальных исканий жизнь, закипела на берегу холодной сибирской реки Томи.

Особенно дорожила коммуна своей школой. Коммунары не жалели денег на тетради, учебники. Сохранилась история толстовской школы, из которой видно, что учили детей в глухой сибирской деревушке самым лучшим образом.



Толстовцы – учителя с высшим математическим, биологическим, музыкальным образованием давали детям

– 4 –

Серьезные знания и самые разнообразные практические знания, прежде всего, необходимые для жизни в деревне. Большое внимание уделялось в толстовской школе воспитанию нравственному, художественному, трудовому. Религиозных предметов в школе не преподавали. Исключены была также всякие политические дисциплины и рассуждения о классовой розни.

Толстовская сельская школа стала первым объектом атаки властей не коммуны. Школу несколько раз запрещали, на здания, построенные толстовцами, милиция вешала замки. А в 1935 году в Ново-Кузнецке состоялся суд над учителями, которых за отказ преподавать политические дисциплины и якобы за религиозный настрой школы, приговорили к содержанию в трудовом лагере. После ареста учителей /в том числе женщин/ начались массовые аресты активистов коммуны. Судили их якобы за нарушение советских законов, на самом деле речь шла о расправе с людьми не способными и не желающими поступаться своими н р а в с т в е н н ы м и принципами. Толстовцы отказывались доносить друг на друга, противники кровопролитий и войн, они не желали подписываться на военный заем. Когда группа толстовцев-плотников получила приказ разбирать дом «кулака», местного крестьянина, который со своей многолюдной семьей не желал покидать жилище и идти в ссылку, толстовцы отказались разрушать крышу над головами женщин и детей. Некоторые толстовцы не желали идти добровольно на допросы в ГПУ / предшественник нынешнего КГБ /. «Я не хочу развращать вас, братья, своим послушанием», – говорил один из крестьян, когда чекисты волокли его за руки и за ноги в камеру следователя ГПУ. С каждым годом судебные приговоры толстовцам становились все более жестокими. Прежние приговоры пересматривались и сроки лагерей и тюремного заключения удваивались и утраивались. В 1938 году были расстреляны два коммунара: школьная

учительница и старик крестьянин, написавший властям обширный трактат с призывом к милосердию.

С конца 30-х годов расстрелы толстовцев стали обыденным делом. Главная причина, по которой убивали крестьян, состояла в том, что молодые толстовцы отказывались служить в армии, брать в руки оружие. В 1941-1942 годах, как свидетельствуют сохранившиеся списки, было расстреляно по этой причине более шестидесяти молодых мужчин. Но убивали и старых, которых обвиняли в антисоветских разговорах и действиях. «Действий», естественно, никаких не было, ибо сама идея толстовства в том и заключается, чтобы не отвечать силой, насилием на зло властей. Коммуна, в результате этих расправ пришла в полное разорение, там остались одни женщины да малые дети. Последние толстовцы люто го-

– 5 –

лодали, но не отказывались от своих принципов. В конце концов, власти силой превратили коммуны в колхоз, а затем и вовсе согнали мужиков с этого места, когда территория понадобилась для разработки угля.

Остатки рассеянных по стране толстовцев продолжали уничтожать и в пятидесятые годы. В 1952 году, готовя один из политических процессов, следователи подземной тюрьмы в Москве /так называемой Сухановской/ заставляли своих подследственных толстовцев подписывать признание в том, что существовал некий Толстовский центр, что толстовцы планировали свержение советской власти и готовили оружие для переворота. Сохранились свидетельства толстовцев, отбывавших в лагерях двадцатипятилетний срок в лагерях уже после смерти Сталина, что по «толстовским делам» в заключении /1956 год/ находились сотни людей.

Уничтожая толстовцев физически коммунистическое правительство России сделало все возможное, чтобы идеи Толстого – философа не получили распространение среди новых поколений. Философские произведения Льва Толстого в публичных библиотеках Советского союза читателям не выдаются. О Толстом философе в журналах и газетах не появляется ни одной статьи, ни

одной заметки. А главное запрещено издавать произведения самого Толстого трактующие вопросы религии и философии. Произведения эти (после 20-х годов) напечатаны были лишь один раз: в Полном так называемом Юбилейном 90-томном собрании сочинений Льва Толстого выпущенном тиражом в 5 000 экземпляров. Напрочь отринув Толстого – философа, толстого – моралиста, Толстого ненавистника тоталитаризма, советская официозная мысль желает видеть лишь Толстого художника. Лев Толстой в его цельности и сложности не устраивает советскую партократию, также как он когда-то не устраивал Ленина. Замалчивание Толстого – философа не раз вызывало протестующие письма граждан в издательства, министерства и ЦК КПСС. Но на эти письма власти, как правило, не отвечают. Лишь недавно /второй раз за пятьдесят лет/ несколько философских работ Толстого по специальному разрешению ЦК было включено в 20-и томное собрание сочинений писателя, приуроченное к 150-й годовщине со дня его рождения.

Можно не сомневаться: в дни Толстовского юбилея, на торжественном заседании в Большом театре и на множестве других не менее торжественных заседаний, ораторы не пожалеют сил, чтобы доказать – в СССР Толстого чтут, Толстого хранят, его наследие берегут.

На речи эти можно было бы многое возразить, но не естественнее ли ограничиться классическим вопросом: «Где брат твой, Каин? Куда девались толстовцы?»

Москва – Рим

март 1978.

### **Список литературы:**

1. Марк Поповский. Портрет на фоне 80-тилетия [Электронный ресурс] // Радио Свобода. Svoboda.org [сайт]. 16 апреля 2002. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24200282.html> (дата обращения 27.04.2014).

2. От издательства // Поповский М. Русские мужики рассказывают. London: Overseas Publications Interchange LTD, 1983.
3. Фонд «Samisdat russo». Опись 10. Дело 417. Л. 1-5.

**Сведения об авторе:**

Колупаев Владимир Евгеньевич – доктор исторических наук, исследователь центра «Russia Cristiana», член научного комитета и итальянской редакции журнала «La Nuova Europa» (Сериате, Италия).

**Data about the author:**

Kolupaev Vladimir Yevgen'yevich – Doctor of Historical Sciences, researcher of the Centre «Russia Cristiana», member of the Scientific Committee and the Italian edition of the magazine «La Nuova Europa» (Seriante, Italy).

**E-mail:** [rostkol@gmail.com](mailto:rostkol@gmail.com).